http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья
УДК 81`42
DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-101-111

Журналистика военного времени: коммуникативная позиция автора медиатекста

Наталья Сергеевна Цветова
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
cvetova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1091-4829

Актуальность статьи определяется уникальной ситуацией, формирующейся в российском публичном коммуникативном пространстве с момента начала СВО (специальной военной операции). Цель исследования – выявление тенденций, имеющих аксиологический статус, в эволюции медиапространства, направляющих модернизацию современных публичных коммуникативных процессов, достаточно отчётливо проявляющихся в коммуникативной позиции автора медиатекста. Аналитический алгоритм создавался в русле коммуникативной лингвистики, лингвистики речи, т. е. «антропоцентрического речеведения», по Бахтину. Аналитическая методика включает элементы интенционально-стилистического анализа медиатекста/медиаречи, варианты лексико-семантического анализа, психолингвистический подход, сравнительно-сопоставительный анализ наблюдений и полученных результатов. Автором статьи обобщены основные характеристики российского публичного коммуникативного пространства, сложившиеся накануне СВО: очевидные признаки квази-коммуникативного взаимодействия, разрушение национальных риторических приоритетов, увлечённость коммуникативными играми и иные деструктивные последствия доминирования так называемых «инфоэлит». Выделены характеристики нынешней критической коммуникативной ситуации, когда большая часть российских СМИ, преодолевая сложившиеся накануне СВО тенденции, под влиянием релевантного исторического опыта актуализируют коммуникативные техники нейтрализации агрессии, препятствующие возможностям развития диалога, призывают к активности коммуникаторов, обладающих авторитетом, высокими когнитивными возможностями и демонстрирующих ответственное отношение к слову, способных актуализировать релевантные в данной коммуникативной ситуации прецедентные феномены. Ключевой вывод: коммуникативная позиция пророссийской «медиапартии» формируется под знаком восстановления коммуникативной традиции, национального риторического идеала, предъявляющего вполне определённые требования к ритору (автору), ключевым из которых является положительная онтологичность. Сделанные наблюдения могут стать основанием для формирования научного, концептуального представления о стратегической позиции современных СМИ, нацеленной на сохранение коммуникативной перспективы.

Ключевые слова: коммуникативная позиция, военное время, деструктивные тенденции, квазикоммуникация, противостояние, лексико-семантические поля, перспектива

Original article

Wartime Journalism: the Communicative Position of the Media Text Author

Natalia S. Tsvetova
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
cvetova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1091-4829

The relevance of the article is determined by the unique situation that has formed in the Russian public communication space since the beginning of the special military operation. The aim of the article is to identify axiological trends in the evolution of the media space that guide the modernization of modern public communication processes, which are quite clearly manifested in the communicative position of the author of the media text. The analytical algorithm was formed in line with communicative linguistics, linguistics of speech, i. e. "anthropocentric speech production" (M. M. Bakhtin). The analytical methodology includes elements of intentional-stylistic analysis of the media text /media speech, variants of lexical-semantic analysis, psycholinguistic approach, comparative analysis of observations and the results obtained. The main characteristics of the Russian public communication space that developed on the eve of the SVO (special military operation) are summarized: obvious signs of quasi-communicative interaction, the destruction of national rhetorical priorities, passion for communicative games and other destructive consequences of the dominance of the so-called "info elites". The characteristics of the current critical communicative situation are highlighted, when most of the Russian media, under the influence

© Цветова Н. С., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

of relevant historical experience, actualize communicative techniques of neutralizing aggression that hinder the development of dialogue, high cognitive abilities and demonstrating a responsible attitude to the word, able to actualize precedent phenomena relevant in this communicative situation. The key conclusion: the communicative position of the pro-Russian "media party" is formed under the sign of the restoration of the communicative tradition, the national rhetorical ideal, which imposes quite certain requirements on the rhetorician (author), the key of which is positive ontology. The observations made can become the basis for the formation of a scientific, conceptual understanding of the strategic communicative position of the media aimed at preserving the communicative the prospects.

Keywords: communicative position, wartime, destructive tendencies, quasi-communication, confrontation, lexico-semantic fields, perspective

Введение. Актуальность исследования коммуникативной позиции автора медиатекста определяется несколькими факторами. Ключевым из них, безусловно, является уникальная ситуация, формирующаяся в российском публичном коммуникативном пространстве с момента начала СВО (специальной военной операции) при доминирующем влиянии массмедиа. В последних выступлениях Президента Российской Федерации В. В. Путина это время обозначается как «рубежное», т. е. предельное, критическое. Такого типа эпохи неизбежно вызывают многовекторную научную рефлексию в зоне аксиологии массмедиа [1; 2]. Данное научное направление сегодня развивается в русле заложенной М. Бахтиным тенденции к взаимодействию философии и социальной психологии, лингвистики и культурологии [3]. В центре внимания его создателей (В. А. Сидорова [4], К. Р. Нигматулиной [5], Г. Р. Хайдарова [6], И. В. Ерофеевой [7], Е. С. Даниловой [8]) – сущность и типология ценностей, история их существования, обусловленность социальными и культурными факторами, способы репрезентации в СМИ. Активно используются описанные известной болгарской исследовательницей В. Аврамовой подходы к толкованию семантического и форматного потенциала ценностной сферы актуальные для медиадискурса [9]. Наше внимание сосредоточено на медиапрезентации наиболее значимых аксиоконцептов ментального пространства России, в которых аккумулируются ценностные приоритеты с положительными и отрицательными коннотациями, отражающие мировосприятие и ключевые смыслы конкретного бытия, а также конструкты национального мировидения [10; 11].

Цель данного исследования – выявление имеющих аксиологический статус тенденций в эволюции медиапространства, направляющих модернизацию современных публичных коммуникативных процессов, фиксирующихся в коммуникативной позиции автора медиатекста.

Эмпирическая база исследования формировалась методом сплошной репрезентативной выборки. Для анализа отбирались не просто транслируемые, но ретранслируемые по разным информационным каналам медиатексты/высказывания на тему СВО, в которых с наибольшей отчётливостью представлен аксиологический статус коммуникативной позиции субъекта речи (т. е. совокупность аксиологически значимых, стабильных параметров). Формальным критерием отбора медиаматериалов для анализа стало наличие лексических маркеров, форматирующих смысловую структуру публикации лексико-семантических полей.

Методология и методы исследования. Аналитическая методика включает:

– элементы интенционально-стилистического анализа медиатекста/медиаречи, который позволяет определить аксиологически значимые компоненты речевого оформления эмоционального состояния субъекта речи как особого проявления коммуникативной позиции;

– варианты лексико-семантического анализа, направленные на выявление отношения коммуникантов к слову как к базовой коммуникативной единице – отношения, в котором фиксируются когнитивные возможности субъекта речи и его речевая компетентность;

– психолингвистический подход, предполагающий при анализе медиатекстов семантическую декодировку набора маркеров (концептов), коррелирующих с эмоциональным состоянием субъекта речи;

– сравнительно-сопоставительный анализ наблюдений и полученных результатов, предполагающий выявление сути идеологически противоположных, конфликтных авторских позиций.

Ещё раз подчёркиваем, аналитический алгоритм формировался в русле коммуни-

кативной лингвистики, лингвистики речи, т. е. «антропоцентрического речеведения» (М. М. Бахтин). Ещё в 1950-е гг. М. Бахтин (В. Н. Волошинов) призывал изучать текст (высказывание) как зафиксированное в речевой форме коммуникативное взаимодействие автора и адресата [1, с. 5]. Позже В. В. Дементьев и его последователи активно работали над теорией речевых жанров, над речевым воплощением категории персональности, что привело к актуализации вопроса о коммуникативной личности, коммуникативной позиции о коммуникативных ценностях русской культуры [12].

Терминологическое оформление соответствующей научной концепции не завершено. Для нас принципиально важным является утверждение о том, что коммуникативная позиция субъекта речи как система принципов, определяющих его коммуникативное поведение, определяется коммуникативными потребностями, установками и задачами. Эти принципы формируются, с одной стороны, под влиянием диапазона когнитивных возможностей, профессионально-речевой компетентности, личностных качеств, с другой – под давлением прагматики (коллективно-корпоративных, материальных интересов и пр.), т. е. системы ценностных приоритетов (Д. П. Гавра, М. В. Федяева, Н. И. Волчкова и многие другие).

Результаты исследования и их обсуждение. Общеизвестно, что ценностные приоритеты зависят от национальных (русские ценят открытость, которая финнов, особенно на начальной стадии организации диалога, как минимум, удивляет), территориальных (северяне при речевом взаимодействии – идеальные слушатели, которые испытывают определённые трудности при вступлении в коммуникативный процесс), социальных («люди нашего круга», например, не используют глагол «кушать» в значении «есть-потреблять пищу»), психологических характеристик субъекта речи (например, типа коммуникабельности – [13]. Кроме того, ценностные ориентиры КЛ определяются коммуникативной культурой, которая была сформирована исторически. В русском варианте эти истоки надо искать в античной (древнегреческой) риторике. Русская коммуникативная традиция складывалась под влиянием античного риторического канона, золотых правил риторики и положений эристики. Базовые для русской речевой культуры коммуникативные модели основаны на признании доминантного положения в публичной коммуникативной среде человека думающего, талантливого. Человек, понимающий и способный интерпретировать информацию, рефлексирующий, нравственный, – основная коммуникативная ценность, которая со всей очевидностью была представлена в работах Аристотеля, закреплена в национальной риторической традиции М. В. Ломоносовым, всячески боровшимся с попытками «затемнения смыслов», зафиксирована в национальном риторическом идеале, базовыми характеристиками которого являются положительная онтологичность и диалогичность.

Доминирующей характеристикой коммуникативной ситуации любого «рубежного времени» принято считать деструктивное речевое поведение, допускающее преодоление классических риторических и коммуникативных канонов. В данном случае ожидание развития, глобализации отмеченной характеристики поддерживается и анализом феноменологических особенностей российского публичного коммуникативного накануне СВО. Уже с начала второго десятилетия XXI в. феноменологической особенностью этого было признано доминирование глобальной коммуникативной среды – возможности онлайн-общения, под влиянием которой формировался не столько набор, сколько новая иерархия коммуникативных ценностей. Доказательство тому – особенности реализации вполне традиционной потребности человека в эмоциональной поддержке за счет высокой активности субъекта речи в интернет-коммуникации. Десятилетия назад О. Мандельштам отмечал: «Нет ничего более страшного для человека, чем другой человек, которому нет до него никакого дела» [14, с. 48]. Кажется, XXI в. предоставил человеку эффективные инструменты для борьбы с этим страхом. Но эмоциональная коммуникативная поддержка в интернет-общении предельно симулятивна: фрэнды как адресаты не обременены ни нравственными, ни социальными обязательствами перед адресантом. Отличия дружеского общения от коммуникативного взаимодействия «фрэндов» со всей очевидностью презентованы, например, в знаменитом «Марафоне дружбы», который в конце февраля 2022 г. запустила популярный в блогосфере коуч Елена Блиновская. Организатор марафо-

на предлагала его участникам свои *сторис* за 10.000 р. В интервью на РБК (9.04.2022) она заявила, что потребительский интерес массовой аудитории вырос вместе с ростом цены. Это замечание принципиально, потому что отражает установку на прямую конвертацию коммуникативного потенциала субъекта речи – инициатора общения.

По сути, интернет способствует разрушению ценностного ядра публичной коммуникации, которое невероятными усилиями восстанавливалось в постсталинские десятилетия в соответствии с идеей, сформулированной в фильме С. Ростоцкого «Доживем до понедельника» (1968) с прямой ориентацией на национальную риторическую традицию: «*Счастье – это когда тебя* ***понимают****...*». В соответствии с этой формулой, базовая коммуникативная установка – добиться того, чтобы тебя понимали. Но новая коммуникативная ситуация, возникшая под давлением интернета, провоцирует иные ожидания:

– ожидание лайков и опасение получить дизлайки;

– ожидание ОЦЕНОЧНЫХ комментариев (провокативный вариант – отрицательная оценка);

– ожидание внимания к собственной персоне, показателем которого признаётся количество просмотров;

– ожидание немедленных ответов, которые, как правило, представлены в форме коммуникативного клише. Если верить интернет-гуру, «счастье» – это когда тебя замечают, просто фиксируют твое присутствие в этом мире! В обновлённой, откорректированной системе ценностей адресант не должен, не может рассчитывать на интеллектуальные усилия адресата во имя диалога. Всего-навсего 15 лет назад Т. М. Дридзе этот феномен назвала квазиобщением-квазикоммуникацией, при котором не включается «механизм смыслового контакта» [15, с. 32].

В эпоху квазикоммуникации вполне логично достаточно отчётливо деградировало представление о коммуникативной компетентности, которое стало определяться степенью освоения визуальных коммуникативных стереотипов. Например, умением извлекать из Тик-Тока актуальный на сегодня контент – праздничный, событийный и т. п. Коммуникативная задача такой пересылки – напоминание о себе и удовлетворяющая адресата информация о том, что ты входишь в определённый круг фрэндов. По сути, открывалось формирование нового коммуникативного этикета, следование которому предельно формализует речевое взаимодействие. Тут можно возразить, что этикетные формулы никогда не имели когнитивной составляющей. И 50 лет назад никому из нас в ответ на вопрос «Как дела?» не приходило в голову действительно анализировать положение дел, рассуждать о реальных проблемах, которыми мы жили. Мы знали ожидаемые варианты ответов, которые в значительной степени были продиктованы культурными табу: «спасибо, нормально», «ничего, терпимо». Обратимся к О. Мандельштаму, утверждавшему: «Глубокий смысл имеет культурное притворство, вежливость, с помощью которой мы ежеминутно подчёркиваем интерес друг к другу» [14, с. 48]. Но в данном случае не только глубина, но и позитивность транслируемых смыслов утрачивалась за счёт фантастического по масштабам тиражирования пересылок: большинство получателей видеофайлов все-таки понимают, что они включены в веерную рассылку и включены по разным причинам, например, адресанту ты настолько безразличен, что он и секунды не потратит на то, чтобы удалить твой адрес из сформированного не месяцы, а годы назад списка рассылки.

Традиционные информационные ресурсы, захваченные «*инфоэлитами*» (С. Шнуров), предложили свой вариант квазикоммуникации, характеризующийся многочисленными проявлениями коммуникативного нигилизма. Так, К. Собчак цинично оправдывала преодоление значительных для русской культуры коммуникативных ограничений, заявляя: «Смех уместен всегда. Особенно на кладбище, в автозаке и реанимации», т. к. помогает выйти из самого драматичного положения (14 июля. 2020)[1]. Многими лидерами мнений демонстрировалось абсолютное презрение к сложнейшей смысловой структуре национальных аксиоконцептов, к семантике высокочастотных слов. Практически игнорировались прорывы к содержанию понятий «патриотизм», «свобода», «права человека», зафиксированные, например, в знаменитом пушкинском «Из Пиндемонти»,

[1] Смех уместен всегда. Особенно на кладбище, в автозаке и реанимации. – URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/234188426 (дата обращения: 21.05.2023). – Текст: электронный.

в письме русского гения к Чаадаеву, забыто сопротивление О. Мандельштама попыткам использовать русское слово, русский язык в «назывательном, прикладном назначении», которые поэт соотносил со «спекулятивным мышлением», борясь за сохранение «словесной нюансировки» [14, с. 59]. Были преданы забвению филологические изыскания А. С. Шишкова [16], Р. Якобсона [17], В. В. Виноградова [18], их попытки формализации научных представлений о смысле слова, который не исчерпывается ни грамматическим, ни прямым лексическим, ни даже стилистическим значением, являясь выражением сущности, фиксируемой в максимально широких контекстуально-семантических связях и нюансах (Д. Н. Шмелев, Ю. Степанов, А. Д. Кошелев, Е. Курилович и др.). В начале третьего десятилетия вполне устойчивым стало ощущение, что русское слово все-таки подчинилось «духам злобы и тьмы» – «демонам глухонемым» [19, с. 98], т. е. слово превратилось в средство коммуникации «глухонемых», презирающих его предметно-понятийное содержание, с опорой на которое формируется смысловая структура текста. Проявления этой тенденции: лексико-фразеологические ошибки медиаперсон, использование специальных слов в массмедиа для манипулятивного воздействия на адресата, вполне осознанная деструкция смыслов, закрепляемых за словом в толковых словарях и/или в национальном историко-культурном пространстве.

В течение последнего десятилетия эта тенденция только усиливалась. Опасность её отмечена автором рецензии, посвящённой игре со смыслами в новелле В. Пелевина «Митина любовь» (2021), где речь идёт «о сексуальной связи заскучавшего помещика с девушкой-хелпершей (биороботом-холопкой), созданной на основе генома человека и работающей от специального «цереброчипа», который помещик проапгрейдил, то есть дополнил его программу»[1]. С точки зрения рецензента, дело не в деконструкции определённого (в данном случае бунинского) литературного сюжета-мифа, но в вымывании реальных смыслов из коммуникативной модели автор/читатель. Об этом же написал Р. Сенчин, обративший внимание на высказывание популярного в массмедиа литературного критика Вас. Ширяева: «Я 90 % чтимого не понимаю и свои статьи перестаю понимать раньше, чем они появляются в печати»[2]. *Чтимого* – почитаемого? или всё-таки прочитанного? Скорее всего, это уже просто неважно. Коммуникативная маска? Если да, то ключевая особенность этой *хари* (номинация протопопа Аввакума, о которой напомнил Р. Сенчин), т. е. маски, не отражающей реальных характеристик её носителя – программное, абсолютное обесценивание смыслового компонента любого публичного высказывания. Кому адресовалось более чем странное признание литератора? Кто готов вступить в игру по его правилам? Видимо, преданные потребители постмодерной текстовой продукции, которым в эпоху господства постмодернизма на ниве русской изящной словесности известный петербургский литератор А. Мелихов отказывал в связях с живой жизнью, с реальностью.

Следовательно, литературный дискурс всё-таки сопротивлялся моде на коммуникативные игры. Зато эта мода по мере деградации профессионалов речи в самых примитивных, чаще всего манипулятивных по сути вариантах удерживалась и даже актуализировалась в медиаполе, закрепляясь, например, в «сететуре», где до изнеможения, программно царят «игры и креативные среды»[3].

Сегодня, оглядываясь назад, ни одну из названных тенденций нельзя оценить как позитивную, т. е. активизируемую во имя человека, в поддержание его. Хотя, как показывают наши наблюдения, успешные, популярные коммуникаторы при формировании собственной коммуникативной позиции и ранее старались, как минимум, минимизировать использование коммуникативных приемов и средств, вступающих в очевидное противоречие с русским риторическим идеалом.

После февраля 2022 г. коммуникативная ситуация предельно усложнилась. Новая реальность получила «беспрецедентное по насыщённости и разнообразию» медийное сопровождение [20, с. 91], но, против ожиданий, отнюдь не в логике предшествующих десятилетий. Стрессовая ситу-

[1] Бушуева М. «Выйти на бой с пошлостью мира...» // ЛГ. – 2022. – № 7. – С. 10.

[2] Сенчин Р. Январские впечатления // ЛГ. – 2022. – № 6. – С. 13.

[3] Дискуссия о сететуре в Рунете. – URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=320 (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

ация глобального конфликта поставила профессионального коммуниканта (журналиста, любого медиамэна) перед необходимостью не просто модернизации, но выбора коммуникативной позиции, прежде всего, коммуникативной установки, предполагающей направленность, ориентацию на определённую систему ценностей. Публичное коммуникативное пространство стало очевидно конфронтационным. Платформа для выбора – ценностные предпочтения: либо *жёстко антиукраинские*; либо, наоборот, спровоцированные *законами украинской политической реальности*[1]. Противоборство фиксируется и в потребностях коммуникаторов, и в вопросах, которые они ставят перед своей аудиторией, и в предлагаемых решениях. И подчиняется оно и пропагандистским задачам, и логике военного материала, и напряжённым ожиданиям аудитории. Отсутствие фиксации противостояния провоцирует отрицательно-оценочные суждения медиакритиков, как в показательном в этом отношении случае с оценкой транслируемой 5-м каналом кинокартины «Лучшие в аду», единственным российским фильмом о событиях на Донбассе: «*Удивительно, что противоборствующие стороны ничем* ***не отличаются*** *друг от друга. Ни внешне, ни речью <...> Мне очень не хватило* ***чётко прочерченной разницы*** *между «братьями»<...> Я, зритель, должен понимать, что люди из «Азова», говорящие по-русски,* ***отличаются*** *от ополченцев из ДНР и «музыкантов», тоже говорящих по-русски. В Сеть попадает много страшных видеодокументов военной операции. Одно дело, когда* ***наши*** *врываются в окоп противника, требуют сложить оружие, но враг что-то мямлит, а оружие из рук не выпускает, и потому получает пулю, другое – когда* ***бандеровцы*** *расстреливают безоружных, издеваются над ранеными и бахвалятся, демонстрируя эти кадры в соцсетях*» (А. Иванов. Бои местного значения. Фильм неясного назначения // ЛГ. 2023. 15–21 марта. С. 23).

И в этой ситуации возникает потребность в развитии, в переформатировании системы речевых средств, используемых для выражения противостояния. И наиболее очевидным выражением коммуникативной позиции субъекта речи становится профессиональная речевая деятельность в пределах доминантного лексико-семантического поля – в работе с «иерархической структурой множества лексических единиц, объединенных общим значением и отражающим в языке определенную понятийную сферу» [21, с. 109]. После начала СВО – в рамках полевой антитезы «жизнь» – «смерть», захватившей огромное медийное пространство.

Субъекты речи, демонстрирующие проукраинскую позицию, с первого дня СВО открыто транслируют ценностные приоритеты собственной коммуникативной позиции, не нуждающиеся в комментариях. Во-первых, нацеленность на формирование лексико-семантического поля «смерть», о чём свидетельствуют ретранслируемые российскими информационными каналами видеоматериалы – записи военных преступлений как свидетельства героических поступков, фрагменты интервью. Приведём примеры, представленные на многих информационных ресурсах:

– обращение бойца ВСУ к жителям Новой Каховки: *«Если дойду до Каховки, буду* ***убивать*** *всех бывших друзей… Буду* ***вешать****… Рука не дрогнет!»*[2];

– высказывание бывшего польского президента Леха Валенсы о перспективах СВО – *«Население России надо* ***сократить*** *до 50 миллионов»*[3];

– лозунг президента Украины В. Зеленского – *«Хороший русский – это* ***мертвый*** *русский!»*[4];

– призыв посла Украины в Казахстане Врублевского – «*Русских надо* ***убивать****! И чем больше, тем меньше придется* ***убивать*** *их детей!»*[5]:

– призыв харьковского политика М. Добкина – «***Резать и рвать*** *зубами этих тварей!»*[6].

[1] Чадаев А. «Новую картину мира придется строить из подручных средств» // Культура. – 2022. – 27 октября. – С. 18.

[2] 60 минут. Россия-2. 2.09.2022. – URL: https://t.me/MedvedevVesti/11134 (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

[3] Интернет-ресурс. – URL: https://www.5-tv.ru/news/393589/eksprezident-polsi-prizval-sokratit-naselenie-rossii-do50-millionov-celovek (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

[4] Интернет-ресурс. – URL: https://www.mk.ru/politics/2022/04/14/zelenskiy-vynuzhdaet-rossiyu-bit-po-kievu.html (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

[5] Дзен. 22.08.2022. – URL: https://vk.com/wall-85596321_254250 (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

[6] НТВ. 01.06.2022- интернет-ресурс. – URL: https://www.politnavigator.net/i-vot-on-priplyl-dobkin-oficialno-poshjol-v-banderovcy.html (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

Актуализируемые украинской пропагандой инвективные номинации подчиняются коммуникативной установке, которую автор дзен-канала «Житель Алтая» определил так: «Нападки, лай, прямые оскорбления, подлость и угрозы»[1].

В качестве наиболее показательного в этом отношении примера можно принять комментарий посла Украины А. Мельника к письму немецких интеллектуалов, призывающих к прекращению военных действий на Украине: *«Что за сборище псевдоинтеллектуальных неудачников. Все вы должны наконец пойти к черту со своими пораженческими "советами"!»*[2].

Психоэмоциональные основания для такого рода инвектив – ненависть, злость, жестокость. В оценочных высказываниях российских либералов, занимающих проукраинскую позицию, как правило, транслируется и презрение по отношению к оппонентам. Вот известное эмоциональное высказывание А. Макаревича, которого в 1980-е гг. было принято безоговорочно причислять к интеллектуальной элите тогдашней поп-интеллигенции: «*Вижу* ***тявканье*** *по поводу уехавших – Аллы, Максима, Чулпан, Земфиры. Это Россия уехала от вас,* ***мудачье****! Потому что Россия – они, а не вы!*»[3].

Сторонники пророссийской позиции нацелены на поддержание лексико-семантического поля «жизнь» (В. Путин: *Жизнь по-другому распорядилась*!), в ядерной зоне которого в полном соответствии с русским менталитетом несколько аксиоконцептов:

– *труд (танкисты работают, работают на уничтожение опорного пункта, работают слаженно, боевая работа, труднее стало работать);*

– *справедливость* и *правда (бойцы сражаются за правду и историческую справедливость; они знают правду).*

Например, концепт *«правда»* стал базовым в компании по продвижению в петербургском медийном пространстве гастролей Донецкого государственного академического музыкально-драматического театра имени М. М. Бровуна с «показом документального спектакля «Я Zнаю праVду»[4]. Авторы спектакля использовали обновлённое содержание концепта – графическую отсылку к украинским событиям как транслятор аксиологической позиции.

В приядерной зоне концепта «жизнь» в полном соответствии с традицией находятся хронологические маркеры, указывающие на жизненную перспективу – маркеры *будущего* времени, которые просматриваются, например, в подтексте репортажей с восстанавливаемых территорий Донбасса или в публикации высказывания президента Беларуси А. Лукашенко о Форуме регионов: «*Пока Запад подтягивает войска, мы занимаемся вопросами созидания»*[5], в многочисленных интервью, посвящённых годовщине воссоединения Крыма с Россией.

Ситуативным маркером *будущего* в российских медиа становится оппозитивный по отношению к украинской «*Перемоге*» концепт «*Победа*», смысловая глубина которого использовалась при создании волонтёрской интернет-платформы «*Все для Победы!*», формировалась с использованием многочисленных историко-культурных ассоциаций, например, с победой под Сталинградом[6], с сюжетом И. Глазунова «Вечная Русь», со стихотворением К. Фролова-Крымского «Мы-русские...» и т. п.

Не менее значимым выражением содержания пророссийской коммуникативной позиции становится модернизация репертуара транслируемых медиа эмоций. Если доминирующими в СМИ номинациями эмоций на третьей-четвертой неделях после начала спецоперации в русскоязычном сегменте интернета были *ужас, испуг, недовольство, возмущение, раздражение, тревога,* то постепенно набор актуализируемых эмоций трансформируется. Через два месяца после начала СВО автор одно из комментариев в паблике, посвящённом украинским событиям, говорит о том, что многие события вы-

[1] Нападки, лай, прямые оскорбления, подлость и угрозы. – URL: https://dzen.ru/a/YrlEr1lwFA_jaKbK (дата обращения: 27.06.2023). – Текст: электронный.

[2] Что за сборище псевдоинтеллектуальных неудачников. – URL: https://sharij.news/posol-melnik-poslal-k-chertu-vedushhih-nemeczkih-intellektualov-podpisavshih-kollektivnoe-obrashhenie-s-trebovaniem-prekrashheniya-voennoj-pomoshhi-ukraine (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

[3] Интернет-ресурс. – URL: https://vz.ru/news/2022/4/6/1152273.html (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

[4] Бессер В. Они знают правду // Культурный Петербург. – 2023. – № 1. – С. 9.

[5] Белоруссия нацелена на диалог с Западом, заявил Лукашенко. – Текст: электронный // РИА новости. – URL: https://ria.ru/20220701/belorussiya-1799528433.html (дата обращения: 01.07.2022). – Текст: электронный.

[6] Водолагин А. Сталинградец. Восемьдесят лет назад началась легендарная битва на Волге» // ЛГ. – 2022. – 20–26 июля. – С. 6.

зывают в нем *злорадство.* Но в скобках с тремя восклицательными знаками уточняет: *к сожалению!!!.* Со временем два центральных российских телеканала (СТС, Спас) начинают в прайм-тайм транслировать цикл «Украина, которую мы **любим**». Зона *любви* неуклонно расширяется и за счет жанрового диапазона медиатекстов, и за счёт усложнения речевых партий персонажей: участник СВО – герой репортажа, показанного на НТВ 21 июня 2022 г.рассматривает детский рисунок, доставленный на линию фронта, со словами: «*Смотришь и очень сильно* ***радуешься****».* 19 августа 2022 г. Д. Апачев представил песню *«Из Донецка с любовью».* Диктор центрального телевидения А. Березовская признаётся: «*Просто их* ***жалко****».* «*Мы* ***не рады*** *этим жертвам*,» – слова И. Коротченко (60 минут. Россия-2. 31.08.2022). «*Больно. Для нас это кровоточащая рана. Мы один народ»,* – Н. Стариков (60 минут. 2.09.2022). В кульминационной части репортажа с митинга-концерта в Лужниках звучит такой фрагмент из интервью журналиста с одним из зрителей: «*Мы поддерживаем наших ребят и переживаем за Украину!»*[1].

Программной публикацией на тему использования в публичном дискурсе «эмотивных слов» [22] можно считать статью М. Макаренкова «Ненависть лишь разрушает. Несколько исторических параллелей». Информационный повод – сдача в плен украинских военных на «Азовстали», поставившая на повестку дня вопрос об отношении российского общества к военнопленным. Авторская идея, аргументированная исторической аналогией – денацификацией Германии: «С *помощью* ***ненависти****, какой бы святой она ни была, можно только разрушать, а* ***расчеловечивание*** *слишком быстро приводит в исторический тупик*»[2]. Полная смысловая идентичность – в комментарии А. Шафран к сообщению об открытии в Северодонецке детской библиотеки: *«Наша основная цель – спасти себя, вспомнить, кто мы есть, русские православные люди»* (Прямая речь. Спас. 26.02.2023); в коммуникативной установке, сформулированной во время одной из студийных дискуссии Е. Поповым: «*Мы* ***не должны*** *уподобляться людоедам! Нам* ***нельзя*** *скатиться к ненависти!»* (60 минут. Россия-2. 22.08.2022). По сути, это публицистическое возвращение к смыслу шолоховской «Судьбы человека» (1953), т. е. к одной из констант русской национальной культуры.

Эта коммуникативная позиция находит яркое воплощение в проявлениях речевой агрессии, основным средством выражения которой становится ирония как уклонение от категорично-инвективного осуждения и оценки. В антиукраинской зоне это, как правило, *номинации-прозвища,* возникающие в результате языковой игры или метафоризации:

– бывший британский премьер-министр – *Боря-Чуприна;*

– Украина – *Укрорейх;*

– прибалтийские республики – *прибалтийские вымираты;*

– Генеральный секретарь ООН – *ооновский главнюк;*

– информационная политика Украины – *политико-информационный хохлизм;*

– о президенте Украины – *шоу-президент;*

– о президенте США – *дедушка Альцгеймер* (Дзен. Размышления Лунатика. 15.07.2022);

– ближайшие сподвижники британского премьера – *бомондята и бомондятки (*Индиана, но не Джонс. 18.09.2022);

– К. Собчак – *Ксения Катафальчук* (М. Шахназаров, 12.03.2023)*;*

– российские либералы – *навальнятина* (депутат Государственной Думы Ю. Афонин. 17.02.2023)*;*

– идеологические противники *«С*вободной прессы» – «*чухонские свинопасы, лабусы-бибисы, пшеки и прочие шарикусы*»[3];

– общая игровая оценочная номинация либеральной интеллигенции – *ахеджахнутые и навальнутые* (Дзен. Чешские зарисовки. 31.05.2021).

Важны в этом отношении наблюдения Е. Додолева, который привёл в Дзен статистику, подтверждающую эффективность данной коммуникативной позиции: примерно в течение месяца его текст с номинацией такого типа просмотрели 9,5 тыс. адресантов, прокомментировали именно иронический фрагмент текст[4]. Ещё одно обстоятельство, свидетельствующее о востребованности

[1] Интернет-ресурс. – URL: https://vk.com/wall-169005748_46124 (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

[2] ЛГ. – 2022. – 1–7 июня. – № 22. – С. 6.

[3] Интернет-ресурс. – URL: https://vk.com/wall-161048010_33974 (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

[4] Интернет-ресурс. – URL: https://irinsergev.livejournal.com/924542.html (дата обращения: 21.06.2023). – Текст: электронный.

именно этой техники речепорождения: большая часть приведённых номинаций быстро утратила авторство, начала восприниматься как результат народного творчества.

Заключение. Проанализированный материал заставляет сделать вывод о кажущейся парадоксальной на первый взгляд коммуникативной позиции пророссийской «медиапартии», формирующейся под знаком восстановления национальной коммуникативной традиции, национального риторического идеала, предъявляющего вполне определённые требования к любому ритору (автору). Одно из главных требований заключается в соответствии принципу положительной онтологичности.

В критической ситуации большая часть российских медиа, прежде всего, традиционные СМИ под влиянием огромного исторического опыта актуализируют коммуникативные техники нейтрализации агрессии, препятствующие возможностям развития диалога, призывают к активности коммуникаторов, обладающих высокими когнитивными возможностями и демонстрирующих ответственное отношение к слову, способных актуализировать релевантные в данной ситуации прецедентные феномены.

Выявленные нами особенности современной коммуникативной ситуации, по сути, являются стратегическими, т. к. позволяют открывать, удерживать коммуникативную перспективу. Изучение современной коммуникативной ситуации, с нашей точки зрения, служит созданию оснований для формирования научного, концептуального представления о стратегической коммуникативной позиции СМИ.

Список литературы

1. Цветова Н. С. Ценности журналистики «рубежного времени»: лингвокогнитивная презентация // Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения: сб. материалов ежегодного 62-го Междунар. науч. форума / отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2023. С. 55–56.

2. Вербицкая Г. Я. Проблема самоидентификации героев рубежных времен // Музыкально-театральное искусство провинциального города на рубеже XIX–XX вв.: материалы Шаляпинских чтений с междунар. уч., состоявшихся в Уфимском гос. ун-те искусств им. З. Исмагилова. Уфа: Уфимский гос. ин-т искусств, 2020. С. 81–85.

3. Седов К. Ф. М. М. Бахтин – знамя отечественной антрополингвистики. Антрополингвистика: избр. тр. М.: Лабиринт, 2010. С. 3–6.

4. Сидоров В. А. Аксиология массмедиа: проблемные поля и стратегии изучения // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 117–125.

5. Нигматуллина К. Р. Профессиональная культура журналистов в России. СПб.: Алетейя, 2021. 286 с.

6. Хайдарова Г. Р. Медиасреда как пространство культурной практики: борьба за воображаемое // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 1. С. 45–51.

7. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 297 с.

8. Danilova E. S. The Concept of Basic Human Values in Oriental and Occidental Cultures: Linguistic Representation // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2021. Vol. 7, no. 2. P. 4–12.

9. Аврамова В. Концептосфера оценочности в национальной языковой картине мира // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Шумен: Изд-во ун-та «Еп. К. Преславски», 2003. Вып. 2. С. 109–118.

10. Цветова Н. С. Актуальные медиаконцепты: динамика ценностных смыслов // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 107–116.

11. Цветова Н. С. Ментальное пространство России в медийном измерении // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 5. С. 3–11.

12. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры. Категория персональности в лексике и грамматике. М.: ЯСК, 2013. 335 с.

13. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация. М.: ИНФРА-М, 2008. 272 с.

14. Мандельштам О. Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987. 320 с.

15. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 240 с.

16. Шишков А. С. Рассуждения о старом и новом слоге российского языка. СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1818. 436 с.

17. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–231.

18. Виноградов В. В. Грамматическое учение о слове. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1986. 639 с.

19. Струве Н. Православие и культура. М.: Христианское изд-во, 1992. 338 с.

20. Тимощук А. С. Дискурсивно-коммуникативные вызовы СВО // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сб. тр. Белгород: Космос, 2022. С. 87–94.

21. Зиновьева Е. Л. Понятие «поля» в лингвометодических исследованиях. URL: https://phraseoseminar.slovo-spb.ru/documents/zinovyeva_e. i. _ponatie_pola_v_lingvometodiceskih_issledovaniah.pdf (дата обращения: 21.06.2023). Текст: электронный.

22. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Информация об авторе

Цветова Наталья Сергеевна, доктор филологических наук, профессор; Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета; 199053, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я линия ВО, 26; cvetova@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-4093-0427.

Для цитирования

Цветова Н. С. Журналистика военного времени: коммуникативная позиция автора медиатекста // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 101–111. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-101-111.

Статья поступила в редакцию 07.06. 2023; одобрена после рецензирования 03.08.2023; принята к публикации 06.08.2023.

References

1. Tsvetova, N. S. The values of journalism of the "frontier time": linguocognitive presentation. Media in the modern world. 62nd St. Petersburg Readings. Collection of materials of the annual 62nd International Scientific Forum. Editor A. A. Malyshev. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2020: 55–56. (In Rus.)

2. Verbitskaya, G.Ya. The problem of self-identification of heroes of the turn of the century. Musical and theatrical art of a provincial city at the turn of the XIX–XX centuries. Materials of the Chaliapin readings with international participation held at the Ufa State University of Arts named after Z. Ismagilov, 2020. Ufa: UGII, 2020: 81–85. (In Rus.)

3. Sedov, K. F. M. M. Bakhtin – the banner of domestic anthropolinguistics. Bakhtin M. M. / Voloshinov V. N. Anthropolinguistics. Selected works. M: Labyrinth, 2010. 3–6. (In Rus.)

4. Sidorov, V. A. Axiology of mass media: problem fields and strategies of study. Humanitarian vector, no. 4, pp. 117–125, 2021. (In Rus.)

5. Nigmatullina, K. R. Professional culture of journalists in Russia. St. Petersburg: Aleteya, 2021. (In Rus.)

6. Haidarova, G. R. The media environment as a space of cultural practice: the struggle for the imaginary. Society. Wednesday. Development, no. 45–51, pp. 45–51, 2018. (In Rus.)

7. Erofeeva, I. V. Axiology of media text in Russian culture (representation of values in journalism of the beginning of the XXI century). Novosibirsk: Publishing House of SB RAS, 2009. (In Rus.).

8. Danilova, E. S. The Concept of Basic Human Values in Oriental and Occidental Cultures: Linguistic Representation. Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, no. 2, pp. 4–12, 2021. (In Rus.)

9. Avramova, V. Conceptosphere of evaluativeness in the national linguistic picture of the world. Problems of cognitive and functional description of the Russian and Bulgarian languages. Shumen: publishing house of the University "Ep. K. Preslavsky", issue 2, pp. 109–118, 2003. (In Engl.)

10. Tsvetova, N. S. Actual media concepts: dynamics of value meanings. Humanitarian Vector, no. 4, pp. 107–116, 2021. (In Rus.)

11. Tsvetova, N. S. The mental space of Russia in the media dimension. Philological sciences. Scientific reports of the higher school, no. 5, pp. 3–11, 2021. (In Rus.)

12. Dementiev, V. V. Communicative values of Russian culture. The category of personality in vocabulary and grammar. Moscow: YASK, 2013. (In Rus.)

13. Goikhman, O.Ya., Nadeina, T. M. Speech communication. M: INFRA-M, 2008. (In Rus.)

14. Mandelstam, O. Word and culture. Mandelstam O. M: Soviet writer, 1987. (In Rus.)

15. Dridze, T. M. Language and social psychology. M: LIBROCOM, 2009. (In Rus.)

16. Shishkov, A. S. Reasoning about the old and new syllables of the Russian language. St. Petersburg: V. Plavilshchikova Type, 1818. (In Rus.)

17. Yakobson, R. Linguistics and poetics. Structuralism: "for" and "against". Moscow: Progress, 1975: 193–231. (In Rus.)

18. Vinogradov, V. V. Grammatical teaching about the word. 3rd ed. M: Higher School, 1986. (In Rus.)

19. Struve, N. Orthodoxy and culture. Moscow: Christian Publishing House, 1992. (In Rus.)

20. Tymoshchuk, A. S. Discursive and communicative challenges of SVO. Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education. Collection of works. Belgorod: Cosmos LLC, 2022: 87–94. (In Rus.)

21. Zinovieva, E. L. The concept of "fields" in linguomethodic research. 32 International Philological Conference. Issue 15. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2003: 108–112. (In Rus.)
22. Shakhovsky, V. I. Linguistic theory of emotions. M: Gnosis, 2008. (In Rus.)

Information about author

Tsvetova Natalia S., Doctor of Philology, Professor; Higher School of Journalism and Mass Communications, Saint Petersburg State University; 26 VO 1st line, Saint Petersburg, 199053, Russia; cvetova@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-4093-0427.

For citation

Tsvetova N. S. Wartime Journalism: The Communicative Position of of the Media Text Author // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 101–111. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-101-111.

Received: June 7, 2023; approved after reviewing August 3, 2023; accepted for publication August 6, 2023.